

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 477

23 JUILLET 1954

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

10-й ГОД ИЗДАНИЯ
Dixième Année.

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

40 frs

ОСНОВАТЕЛЬ А. Ф. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2• Tél.: CEN. 44-27.

Fondateur A. Stoupnitzky

ЧЕХОВ НА САХАЛИНЕ

«ОСТРОВ Сахалин» занимает среди произведений Чехова особое место — как «История пугачевского бунта» у Пушкина. И в том, и в другом случае причины, побудившие авторов заняться столь чуждым им делом, как репортаж (Чехов) или историческое исследование (Пушкин) ускользают от читателей, испытывающего при встрече с этим непонятным явлением некоторое недоумение.

Чехов уехал на Сахалин в 1890 году, но когда у него возникла первая мысль о поездке — точных сведений нет. Брат писателя, Михаил Павлович, утверждает, что А. П. задумал поездку совершенно случайно и собрался на Дальний Восток так неожиданно, что в первое время трудно было понять — серьезно ли он говорит об этом, или шутит. Надо полагать, однако, что это решение, показавшееся даже близким людям «случайным» и «неожиданным», явилось результатом глубокого внутреннего процесса, который Чехов переживал в 1889—1890 г.г., упрекая себя в «мизерности» своей работы, в собственном «равнодушии и банальности» и т. д. Беспечные скитания писателя из Москвы в Одессу, из Одессы в Крым, потом обратно в Москву свидетельствовали о том, что он буквально «не находил себе места».

— Живу машинально, не рассуждая, — писал А. П. своему брату Ивану в июле 1889 г. — У меня нет ни желаний, ни намерений, а потому нет и определенных планов. Могу хоть в Ахтырку ехать — мне все равно.

Полгода спустя он писал Суворину:

— Бывают минуты, когда я положительно падаю духом. Для кого и для чего я пишу?.. Очерки, фельетоны, глупости, водевили, скучные истории, многое множество ошибок и несообразностей, пуды исписанной бумаги, академическая премия — и при всем том нет ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное значение. Мне хочется спрятаться куда-нибудь лет на пять и занять себя кропотливым, серьезным трудом...

Когда Чехов писал эти строки, уже существовали «Степь», «Припадок», «Унтер Пришибеев», «Тиф», «Скучная история», «Иванов»; трудно себе представить, что Чехов, подлинно, не находил во всем этом «ни одной строчки», заслуживающей внимания. Гораздо вероятнее, что он уже томился предчувствием «Палаты № 6», «Черного монаха», «Мужиков», «Ионыча» и «Дяди Ваня»: не это ли был тот «кропотливый, серьезный труд», которым он мечтал заняться и для которого ему хотелось «спрятаться куда-нибудь лет на пять»? Как бы то ни было, именно в период этих тяжелых внутренних сомнений («пора спросить себя — делом ли я занимаюсь, или пустяками?»), когда Чехов был готов ехать «все равно куда — хоть в Ахтырку», его потянуло на Сахалин.

Фраза эта — его собственная:

— Если бы критика, — писал он в марте 1890 г. И. А. Щеглову, — подлинно знала то, что мы с вами не знаем, то, поверьте, она давно уже указала бы нам путь, и мы знали бы, что нам делать. Фофанов не сидел бы в сумасшедшем доме, Гаршин был бы жив до сих пор, Баранцевич не хандрил бы, нам не было бы так скучно и нудно, как теперь, и вас не тянуло бы в театр, а меня — на Сахалин...

ВЕСЬМА вероятно, что Чеховым руководило тогда подлинное стремление к новой обстановке — «охота к перемене мест», столь характерная для людей, переживающих душевный кризис, и что желание «заняться серьезным делом» явилось только необходимой данью логике и рассудку. Горячность, с которой Чехов доказывал целесообразность своей поездки, в этом смысле чрезвычайно характерна — чувствует, что прежде всего он хочет убедить самого себя.

— Вы пишете, — отвечает он незадолго до поездки Суворину, — что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек полый и подневольный. Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку...

на Сахалин превратился у Чехова в манию — и это слово его: — Целый день сижу, читаю и делаю выписки, — рассказывает он в письме к Плещееву о своих приготовлениях: — В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина. Умопомешательство. Манья сахалиноза.

Читал Чехов и изучал, подлинно, все, что было к тому времени написано и издано о Сахалине: библиографический список, им самим составленный, содержит 113 названий — от «Путешествия» Крузенштерна и «Пути тайфунов в Китайском и Японском морях» до «Урочного положения для строительных работ, высочайше утвержденного 17 апреля 1869 года».

— Работа разнообразная, но нудная, — признавался он, — приходится быть идеологом и метеорологом, этнографом и геологом, зоологом и зоологом...

В течение нескольких месяцев (с января до середины апреля 1890 г.) А. П. изучал уголовный процесс, историю тюремного заключения и ссылки в России, историю колонизации Сахалина, этнографические работы, официальные отчеты Главного Тюремного Управления, корреспонденции с мест в газетах и журналах и т. п. Сестра, Мария Павловна, и ее подруги делали в Румянцевской библиотеке выписки из редких книг. И все это — чтобы прийти к следующему признанию (письмо Суворину, 9 марта 1890 г.):

— Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: нехватит для этого ни знаний, ни времени, ни претензий... Сахалин нужен и интересен, но нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий и более способный возбудить интерес в обществе. Я же лично еду за пустяками.

ЧЕХОВ выехал из Москвы 21 апреля 1890 г. и прибыл на остров Сахалин 10 июля: эти семь недель утомительного «кошного-лошадного странствия» по Сибири (Сибирской железной дороги тогда еще не было, и А. П. пришлось проехать на лошадах, 4.000 с лишним верст от Тюмени до Сретенска) описаны в замечательных очерках «Из Сибири», которые появились в 1890 г., в виде фельетонов, в «Новом Времени» и с тех пор не перепечатывались. Они вошли в полное собрание сочинений Чехова (Гос. издательство художественной литературы, Москва 1932 и позднейшие издания, том X), и сейчас, в юбилейные дни, уместно напомнить об этих забытых — а для многих и вовсе неизвестных — страницах Чехова. В «Из Сибири» всего 32 страницы, но есть там такое описание Иртыша:

«...Этот берег отлогий, на аршин выше уровня. Он гол, изрызан и склизок на вид; мутные валы с белыми гребнями со злобой хлещут

по нему и тотчас же отскакивают назад, точно им гадко прикасаться к этому неуклюжему, осклизлому берегу, на котором, судя по виду, могут жить одни только жабы и души больших грешников. Иртыш не шумит и не ревет, а похоже на то, как будто он стучит у себя на дне по гробам».

Или дальше — пророческие строки об Енисее:

«...В своей жизни я не видел реки величественнее Енисея. Пускай Волга — нарядная, скромная, грустная красавица; зато Енисей — могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свою силу и молодость. На Волге человек начал удалую, а кончил стоном, который зовется песней; на Енисее жизнь началась стоном, а кончилась удалой, которая нам и во сне не снилась... Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь освещает со временем эти берега! Много у меня было разных мыслей, и все они путались и теснились, как вода в Енисее, и мне было хорошо...»

НА САХАЛИНЕ Чехов оставался три месяца — с 10 июля по 13 октября. Первым делом он предпринял не больше и не

меньше, как перепись всего сахалинского населения (около 10 тысяч человек). Почти все карточки были им заполнены собственноручно (они хранятся в государственной библиотеке СССР). По собственному признанию, он за это время «объездил все поселения, заходил по все избы и говорил с каждым».

— Я вставал каждый день в пять часов утра, ложился поздно и всегда был в сильном напряжении от мысли, что многое еще не сделано (письмо Суворину от 11 сентября).

Чехов оказывал многим ссылкой личную помощь, материальную и моральную, о чем свидетельствуют письма к нему самих сахалинцев и их родных, сохранивших память о писателе на долгие годы.

«В бытность вашу в прошлом году на острове Сахалине, вы ознакомили меня своим разговором от носительно моей судьбы, завлекли меня в каторжные работы, рассказав его высокоблагородию положительно справедливо о том, что я совершенно незаслуженно переносил возложенную на меня кару», писал Чехову в 1891 г. некий Семен Коротав.

«Телка, которую вы меня наградили в 90-м году, растет и в настоящее время стоящая ценою сотрублей серебром, в которой сосредоточиваются все мои надежды», — сообщил в том же году сыльно-каторжный Хоменко. — «Смотря на тое животное, ежедневно благодарю вашей милости, и вечно буду молиться Богу и благодарить вам, ваше высородие, за такую великую для меня, несчастного человека сделанную вами награду... Всепокорнейше прошу извинить меня в том, что я наскачу вам своими письмами, но нельзя же не писать, чтобы узнать ваше драгоценное здоровье, и какой я был бы скотина, а не человек...»

В 1894 г. некая О. П. Геймбрук написала Чехову следующее короткое письмо:

«Единственная дочь моя, бывшая баронесса Ольга Васильевна Геймбрук, ныне каторжная, писала как вы, в бытность свою на Сахалине, приняли в ней участие и пристыдили генерала за дурное с ней обращение. Благодарю вас, добрейший человек, молюсь за вас, заступник несчастных».

В ОЗВРАТИВШИХСЯ в декабре 1890 г., через Японское море, Суэцкий канал и Черное море, в Россию, Чехов весь 1891-ый год писал свой «Остров Сахалин». По его собственному признанию, работа была «тягучей, кропотливой, каторжной и скучной».

— Временами, в часы минимальности, взял бы и плюнул на него («Сахалин»), — писал он Суворину в августе 1891 г.

«Остров Сахалин» стал печататься в «Русской Мысли» в октябре 1893 г. и вышел отдельным

изданием в 1896 году. Чехов рассказывал спокойным, как бы нарочито безличным языком все, что он видел: грубость и жестокость тюремной администрации, телесные наказания, окончательное моральное разложение каторжных и ссылки, горькую судьбу женщин-поселенок — все то, что заставляло его признаться:

— Чувство я привез нехорошее. Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом.

Литературная критика оставила «Остров Сахалин» почти без внимания. Географический отдел московского Общества любителей естествознания, усмотрев в книге научную ценность, избрал А. П. Чехова своим почетным членом. Некая Евгения Майер, девушка из дворянской семьи, прочитав книгу Чехова, «лишилась покоя», добровольно уехала на Сахалин и много лет работала среди сыльно-каторжных. Министерство юстиции и главное тюремное управление командировали в 1896 г. на остров Сахалин ученого криминалиста Дриля, а в 1898 г. — тюремоведа Садомона. Их отчеты вполне подтвердили сведения, сообщенные Чеховым, но никаких других последствий интерес, вызванный было в общественной мысли появлением «Острова Сахалина», не имел. В 1894 г. «Русская Мысль» была даже вынуждена, по требованию прокуратуры московского окружного суда, поместить «Опровержение на статью г. Чехова» акционерного общества «Сахалин», которое писатель обвинял в своей книге в хищнической разработке копей, в пользе зовании бесплатным трудом каторжных и т. д.

Чехов на это «опровержение» не ответил.

НА ТВОРЧЕСТВЕ Чехова сахалинская поездка отразилась слабо. Отзвуки ее можно найти в нескольких рассказах начала 90-ых годов — «Гусев», «В ссылке», «Убийство», «Бабы» — где как фон, так и отдельные эпизоды и образы прямо навеяны впечатлениями поездки: например, наблюдения над сыльным Красным, о котором сообщается в «Острове Сахалине», писатель воспользовался для образа Толкового («В ссылке»). Некоторые литературоведы утверждают, что поездка на Сахалин способствовала созданию «нового мироощущения» Чехова, и приводят в доказательство тот факт, что именно после-сахалинский период его творчества отмечен такими зрелыми произведениями, как «Дуэль», «Палата № 6», «Мужики», «Дядя Ваня» и «Вишневый сад». Одно дело, однако, констатировать факты, и другое — установить наличие причинной связи между ними. В данном случае, это особенно трудно — и разумнее всего держаться, в оценке «Острова Сахалина», полувеселого, полугрустного определения самого Чехова:

— Пусть в моем бедластрическом гардеробе висит и этот арестантский халат.

А. Дедов.